

© 2024. В. И. Мельник

Перервинская духовная семинария
г. Москва, Россия

Проблема идеальной семьи в трилогии И. А. Гончарова

Аннотация: Едва ли не в каждой работе о творчестве И. А. Гончарова говорится о любви, упоминаются семейные отношения героев. Однако до сих пор нет представления о «философии семьи» в произведениях Гончарова, а также о том, каковы биографические корни этой важной для писателя проблемы. В «Обыкновенной истории», «Обломове», «Обрыве» проявилась целая типология семейных отношений в самых различных вариантах. Однако Гончаров не показывает идеальных семейных отношений. Речь идет об изображении «союзов» мужчин и женщин, либо несчастных, либо не до конца счастливых. В настоящей статье содержится попытка рассмотреть этот феномен писателя с различных точек зрения и отыскать первопричину в характере и биографии Гончарова. Романист предъявлял к понятию идеальной семьи чрезвычайно высокие требования и привносил в свои размышления о ней весьма широкий философский и культурный контекст. Наиболее «семейный» роман в его творчестве — это «Обломов», в котором его «философия семьи» раскрывается пафосно и драматично. Эта философия у Гончарова, так и не создавшего собственной семьи, подпитывается не только его мировоззрением, но и жизненным опытом.

Ключевые слова: И. А. Гончаров, философия семьи, романы, автобиография, идеализм, любовь, страсть.

Информация об авторе: Владимир Иванович Мельник, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан, Перервинская духовная семинария, ул. Шоссейная, д. 82 г, 109383 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9684-8943>

E-mail: melnikvi1985@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 17.11.2023

Дата одобрения статьи рецензентами: 29.12.2023

Дата публикации статьи: 25.03.2024

Для цитирования: Мельник В. И. Проблема идеальной семьи в трилогии И. А. Гончарова // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 1. С. 146–169. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-1-146-169>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 6, no. 1, 2024, pp. 146–169. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 6, no. 1, 2024, pp. 146–169. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2024. Vladimir I. Melnik

Pererva Theological Seminary
Moscow, Russia

The Problem of an Ideal Family in I. A. Goncharov's Trilogy

Abstract: Almost every work about I. A. Goncharov's creative work talks about love and mentions the family relationships of the heroes. However, there is still no idea about the “philosophy of family” in Goncharov's works and the biographical roots of this significant problem for the writer. In “The Same Old Story,” “Oblomov,” and “Cliff,” a whole typology of family relationships appeared in a wide variety of variants. However, Goncharov does not show ideal family relationships. The writer depicts “unions” of men and women, either unhappy or not completely happy. This article attempts to consider this phenomenon of the writer from various points of view and to find the root cause in the character and biography of Goncharov. The novelist placed extremely high demands on the concept of an ideal family and brought a broad philosophical and cultural context into his thoughts about it. The most “family” novel in his work is “Oblomov,” in which he reveals the “philosophy of family” in the pathetic and dramatic mode. This philosophy stems from the worldview and life experience of Goncharov, who never created his own family.

Keywords: I. A. Goncharov, family philosophy, novels, autobiography, idealism, love, passion.

Information about the author: Vladimir I. Melnik, DSc in Philology, Professor, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Pererva Theological Seminary, Shosseynaya St., 82 g, 109383 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9684-8943>

E-mail: melnikvi1985@mail.ru

Received: November 17, 2024

Approved after reviewing: December 29, 2024

Published: March 25, 2024

For citation: Melnik, V. I. “The Problem of an Ideal Family in I. A. Goncharov's Trilogy.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 6, no. 1, 2024, pp. 146–169. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-1-146-169>

Проблема семьи в произведениях И. А. Гончарова настолько общая и универсальная, что, так или иначе, ее должны были бы касаться все, пишущие о романах «Обыкновенная история», «Обломов» и «Обрыв». Априори к ней относят проблему женских образов, материнского начала [Краснова] и пр. Однако современный исследователь совершенно справедливо отмечает: «Тема семьи в творчестве Гончарова относительно недавно стала предметом специального внимания литературоведов» [Кондрашова: 5]. В работах, вышедших до 1990-х гг. и позднее [Рыбасов; Пиксанов; Пруцков; Постнов и др.] об изображении семьи в произведениях Гончарова практически не говорится, а в некоторых трудах слово «семья» вообще не встречается ни разу, если не считать небольшой пассаж в книге Ю. М. Лощица, который упомянул тему семьи как принципиальную в отношениях Марка Волохова и Веры:

И Марк и Вера одинаково понимают, что семья — великая скрепляющая сила. Но Марку эта сила ненавистна. Пробуждающийся в Вере материнский инстинкт подсказывает ей противоположное убеждение: семья — благие узы. Брак, семья, дети — все это не менее естественно и «природно», чем стоящая у их истока страсть. «Мысль семейная» (известные слова Л. Толстого о романе «Анна Каренина») серьезнейшим образом испытывается в любви-вражде Волохова и Веры — через столкновение двух волей и двух мировоззрений [Лощиц: 267].

Едва ли не впервые семейная тема в отношении к романам Гончарова прозвучала в статье Е. А. Краснощековой, в которой была проведена параллель между «Обыкновенной историей» и «Семейным счастьем» Л. Н. Толстого [Краснощекова]. Строго говоря, пока лишь статья Т. М. Кондрашовой «Изображение друга дома и типология семьи в романе И. А. Гончарова “Обломов”» [Кондрашова] и отчасти ста-

тья Н. Г. Комар «Проблема семьи в романе И. А. Гончарова “Обломов” в контексте традиции древнерусской литературы (Обломов и Ольга)» [Комар] посвящены теме семьи.

В настоящее время нет ни одной работы, в которой разрабатывалась бы проблема «философии идеальной семьи» в произведениях Гончарова, как ее представлял себе романист. Об этой философии как об «общечеловеческой задаче» задумываются герои Гончарова. Вот размышления Обломова:

Давать страсти законный исход, указать порядок течения, как реке, для блага целого края, — это общечеловеческая задача, это вершина прогресса, на которую лезут все эти Жорж Занды, да сбиваются в сторону. За решением ее ведь уже нет ни измен, ни охлаждений, а вечно ровное биение покойно-счастливого сердца, следовательно, вечно наполненная жизнь, вечный сок жизни, вечно нравственное здоровье. Есть примеры такого блага, но редкие: на них указывают как на феномен. Родиться, говорят, надо для этого. А Бог знает, не воспитаться ли, не идти ли к этому сознательно?.. [Гончаров 1997–2017. 4: 203–204].

Об идеале семьи глубоко задумывается и Штольц:

При вопросе: где же истина? — он искал и вдалеке и вблизи, в воображении и глазами примеров простого, честного, но глубокого и неразрывного сближения с женщиной и не находил... Глядел он на браки, на мужей и в их отношениях к женам всегда видел сфинкса с его загадкой, все будто что-то непонятное, недосказанное; а между тем эти мужья не задумываются над мудреными вопросами, идут по брачной дороге таким ровным, сознательным шагом, как будто нечего им решать и искать... Они нетерпеливо сбывают с плеч весну жизни; многие даже косятся потом весь век на жен своих, как будто досадуя за то, что когда-то имели глупость любить их. Других любовь не покидает долго, иногда до старости, но их не покидает никогда и улыбка сатира... Наконец, большая часть вступает в брак, как берут имение, наслаждаются его существенными выгодами: жена вносит лучший порядок в дом — она хозяйка, мать, наставница детей; а на любовь смотрят, как практический хозяин смотрит на местоположение имения, то есть сразу привыкает и потом не замечает его никогда.

— Что же это: врожденная неспособность вследствие законов природы, — говорил он, — или недостаток подготовки, воспитания?.. [Гончаров 1997–2017. 4: 449–450].

Таких глубоких размышлений об идеале семьи мы не найдем больше ни в одном произведении русской литературы. Для Гончарова же это принципиально важный вопрос. Вообще нет понимания, что стоит за упорными многолетними размышлениями Гончарова об идеальной семье, о гармоничном и обязательно духовном союзе мужчины и женщины, который, в идеале, должен вести не только к счастью, к гармонизации отношений с миром, к ветхозаветному «плодитесь и размножайтесь», но и к бесконечному духовному восхождению. Семью писатель понимал как «микромир» человеческой жизни, содержащий огромный комплекс проблем и связей (воспитание, самовоспитание, правильное понимание жизни и ее ценностей), включая прежде всего проблему безостановочного духовного роста. Семейный «микромир», по мнению писателя, это инструмент гармонизации жизни, начиная с ее бытовых и мелких проявлений, и кончая проблемой отношений человека и Бога. При всей разнице личного опыта, эстетического воплощения и понимания сути «семейного счастья», идеала семьи, Гончаров, по самой степени внимания к проблеме семьи, в русской литературе своего времени сравним только с Л. Н. Толстым¹. При этом гончаровская «философия идеальной семьи» несколько схематична, основана на теоретических, хотя и очень глубоких религиозных и культурных размышлениях. Идеал семьи Гончарова столь высок, что ему с неизбежностью приходится признать почти полную его недостижимость и изображать в своих произведениях как компромиссы идеала и жизни, так и грубые искажения идеала.

Проблему идеальной семьи, идеального брака следовало бы рассматривать с привлечением общих мировоззренческих установок Гончарова, а также автобиографического контекста его произведений. Оба фактора тесно связаны между собой. Если упростить формулировку, то можно сказать, что семья была для Гончарова — и в житейском и в мировоззренческом плане — одной из основополагающих платформ жизни. Писатель так и не создал своей собственной семьи. Вчитываясь

¹ О взглядах Толстого на брак и семью см. [Токарев: 145–147].

в его тексты, можно обнаружить, что он мечтал и о любви, и о семье, но и к тому и к другому предъявлял чрезвычайно высокие и «бескомпромиссные» требования. В своем мировоззрении писатель проявляется как глубочайший идеалист — это краеугольное основание его личности. В письме к С. А. Никитенко от 8 июня 1860 г. он сделал важное признание:

Представьте себе теперь донкихотскую борьбу лет тридцать с жизнью, представьте при этом *идеальное, ничем несокрушимое направление* (Курсив мой. — В. М.), представьте непрерывное падение, обман за обманом, охлаждение за охлаждением, антиидеальные столкновения в внешней жизни и такое же отчаянное ни в чем удовлетворение в жизни внутренней... и в этой борьбе вся жизнь. Другие называют все это романтизмом, мирятся с жизнью, как она есть... Если я романтик, то уже неизлечимый романтик, идеалист [Гончаров 1952–1955. 8: 333].

«Неизлечимым» идеалистом Гончаров является и в любви, в желании создать настоящую семью, в которой есть не только любовь, но и духовный рост личности. Из всех любовей и увлечений Гончарова лишь Елизавета Васильевна Толстая могла бы, по мнению самого писателя, соответствовать тем требованиям, которые он выдвигал к спутнице своей жизни [Мельник 2012: 190–206].

Однажды он написал:

Я часто благословляю судьбу, что встретил ее: я стал лучше, кажется, по крайней мере с тех пор, как знаю ее, я не уличал себя ни в одном промахе против совести, даже ни в одном нечистом чувстве: мне все чудится, что ее кроткий карий взгляд везде следит за мной, я чувствую над своей совестью и волей постоянный невидимый контроль [Гончаров 1913: 228].

А вот отрывок из небольшого произведения “Pour и contre”:

Жениться, — мечтал он вслух, — ведь это значит не расставаться с ней, любоваться ее глазами, умом, грацией, жить успокоительно и исполнить свое назначение под надзором ее дружеского взгляда, под теплыми лучами оборотительной доброты ее сердца... это значит никогда не хотеть умереть [Гончаров 1913: 225].

Необходимо отметить сходство Е. В. Толстой и Ольги Ильинской [Сакулин; Демиховская] — женщины, которая вела Обломова за собой, словно Беатриче Данте, к духовной высоте. Таких женщин, как Е. В. Толстая, может быть, имел в виду Гончаров, когда вкладывал в уста Райского гимн женщине:

Мы не равны: вы выше нас, вы сила, мы ваше орудие. Не отнимайте у нас... ни сохи, ни заступа, ни меча из рук. Мы взроем вам землю, украсим ее, спустимся в ее бездны, переплывем моря, пересчитаем звезды, — а вы, рождая нас, берегите, как провидение, наше детство и юность, воспитывайте нас честными, учите труду, человечности, добру и той любви, какую Творец вложил в ваши сердца, — и мы твердо вынесем битвы жизни и пойдем за вами вслед туда, где все совершенно, где — вечная красота! [Гончаров 1997–2017. 4: 762–763].

Гончаров видел в своей возлюбленной множество недостатков, но его заставляли прощать их какие-то удивительные качества, встреченные им в женщине впервые.

В том же “*Pour и contre*” он писал:

Она такое артистическое щеголеватое создание, она аристократка природы — ей дано все, чтоб быть единственной из числа немногих — возвышенностью характера, чистотой сердца, прямою и достоинством [Гончаров 1913: 223].

Возможно, когда Гончаров возводил Е. В. Толстую в идеал, в нем просто говорило непривычно сильное для него чувство, заставляющее многого не замечать или многое прощать. Елизавета Васильевна в разгар влюбленности романиста сообщила ему о своем решении выйти замуж за своего кузена, и, поскольку подобные браки были запрещены, попросила Гончарова ходатайствовать перед архиереем о разрешении на венчание. Гончаров вынужденно исполнил просьбу. Брак оказался, судя по всему, несчастлив. Сердце писателя оказалось разбито раз и навсегда. Несмотря на старания семьи Майковых и других знакомых, больше попыток создать семью Гончаров не предпринимал.

Прежде чем приступить к более подробному рассмотрению проблемы идеала семьи у Гончарова, остановимся на той типологии семейных

союзов, которая намечена в его романной трилогии. Очевидно, что писатель считал возможным создание счастливой семьи при стечении лишь многих крайне благоприятных обстоятельств. Вот почему он в основном изображает искажения семейного идеала по самым различным причинам.

Так, в «Обрыве» у него встречается зарисовка «несостоявшейся семьи» (Татьяна Марковна и Ватутин). Ее изображение — результат глубокого, еще в детстве заложенного психологического переживания, связанного с собственной семьей. А. Г. Цейтлин выразил уверенность, что в молодости крестный Гончарова Н. Н. Трегубов «любил Гончарову такой же трогательной любовью, какую впоследствии в “Обрыве” Ватутин испытывал к бабушке. Когда умер Александр Иванович (отец Гончарова — В. М.), Трегубов поселился в “усадьбе” Гончаровых и занялся воспитанием детей» [Цейтлин: 19]. Гончаров долго помнил и признание Н. Н. Трегубова в том, что он любил женщину, но не женился на ней, уступив более богатому сопернику из рыцарских соображений. Он рассказывает об этом в очерке «На родине»:

Он влюбился в одну молодую, красивую собой графиню. Об этом он мне рассказал уже после, когда я пришел в возраст, но не сказал: разделяла ли она его склонность. Он говорил только, что у него явился соперник, некто богатый, молодой помещик Ростин. Якубов ступешался, уступил.

— Отчего же вы не искали ее руки? — спросил я, недовольный такой прозаичной развязкой.

— Оттого, мой друг, что он мог устроить ее судьбу лучше, нежели я. У меня каких-нибудь триста душонок, а у него две тысячи. Так и вышло. Я сам желал этого. Оба они счастливы, и слава Богу! — Он подавлял легкий вздох [Гончаров 1952–1955. 7: 237–238].

А. Г. Цейтлин прав, что отсюда вырастал образ Ватутина. Но если иметь в виду, что Трегубов — сам человек из старинного дворянского рода, который «к другим сословиям относился только снисходительно», был влюблен в графиню, но, смирившись с неудачей, провел свою жизнь с хорошей и не глупой, но, по сути, весьма простой женщиной (матерью Гончарова, Авдотьей Матвеевной), то просматривается тут и ситуация романа «Обломов».

Затем показаны несчастные семьи, вернее сказать, союзы женщин и мужчин, которые были созданы в какой-то степени случайно. Эти

семьи построены самими мужчинами, увлеченными своими страстями и характерами, отчасти жизненными обстоятельствами. Об этих характерах пишет Гончаров в статье «Лучше поздно, чем никогда». Вот об учителе Козлове, которого романист писал отчасти со своего брата Николая, симбирского учителя:

В нем теплится искра любви к знанию, но — как в степи — нет ей пищи, ни посева, ни полива, некуда бросить семян — и они глохнут в нем самом; а любящее сердце избрало кумиром ничтожество, идола, созданного бесхарактерностью среды, без образа. Это его жена. Весь ум его просился в науку, все любящее сердце отдалось этой жалкой подружке. Ни там ни сям — он не нашел ответа, сгорел и угас одиноко, в чистом пламени своей любви! [Гончаров 1952–1955. 8: 102].

В другой статье об «Обрыве» он пишет об этих союзах:

Работая над серьезной и пылкой страстью Веры, я невольно расшевелил и исчерпал в романе почти все образы страстей. Явилась... бессознательная, почти слепая страсть учителя Козлова к своей неверной жене; наконец дикая, животная, но упорная и сосредоточенная страсть простого мужика Савелья к жене его Марине, этой крепостной Мессалине [Гончаров 1952–1955. 8: 209].

Такие страсти Гончаров называет болезнями:

Болезни эти развиваются от разных причин: от препятствий, от неправильного понимания и злоупотребления чувства любви, потом от дурного, небрежного воспитания, как у жены учителя Козлова, и, наконец, от отсутствия всякого человеческого осмысления, как, например, в дворовой женщине Марине [Гончаров 1952–1955. 8: 210].

Подобные семьи, как и вполне благополучно нарождающаяся семья Марфеньки и Викентьева, которая изображается только в свете, без всякого намека на тень, ибо здесь совпали все счастливые обстоятельства, находятся на периферии авторского внимания. Иное дело серьезные размышления Гончарова об идеальных отношениях мужчины и женщины и о создании семьи. Здесь Гончаров граничит в своих

поисках с Л. Н. Толстым, однако автор «Анны Карениной», в отличие от него, не столько рассуждает о норме жизни, сколько убедительно пластически изображает приближение к ней (например, в сюжетной линии Левина) или многообразные отклонения от нее.

Одна из главных проблем для Гончарова — проблема страсти, которая может сопутствовать и истинной любви, но может стать серьезным препятствием для семейной гармонии и вообще для гармонии личности. В письме к А. Ф. Кони романист писал 11 июля 1888 г.:

...по своей крайней нервной раздражительности, поклонник, по художественной природе своей, всякой красоты, особенно женской, я пережил несколько таких драм и выходил из них, правда, «небритый, бледный и худой», победителем, благодаря своей наблюдательности, острому анализу и юмору. Корчась в судорогах страсти, я не мог в то же время не замечать, как это все вместе взятое глупо и комично. Словом, мучаясь субъективно, я смотрел на весь ход такой драмы и объективно — и, разложив на составные части, находил, что тут смесь самолюбия, скуки, плотской нечистоты — и отрезвлялся, с меня сходило все, как с гуся вода. Но обидно то, что в этом глупом рабстве утопали иногда годы, проходили лучшие дни для свежего прекрасного дела, творческого труда — словом, для нормальной человеческой жизни. Я и печатно где-то называл такие драмы — болезнями. Да, это в своем роде сифилис, который извращает ум, душу и ослабляет нервы надолго! Это вовсе не любовь, которая (т. е. не страсть, а истинное доброе чувство) так же тиха и прекрасна, как дружба [Литературное наследство: 522–523].

Штольц в «Обломове» избегает страстей и ищет «идеал бытия и стремлений человека в строгом понимании и отпращивании жизни». Обломов тоже избегает страстей, но, в отличие от Штольца, он испытывает к Ольге не только любовь, но и страсть:

Ее взгляд встретился с его взглядом, устремленным на нее: взгляд этот был неподвижный, почти безумный; им глядел не Обломов, а страсть [Гончаров 1997–2017. 4: 202].

Но и Обломов ищет идеал семейной жизни не в страсти, а в любви как равновесии чувств:

Обломову... на первом плане всегда грезилась женщина как жена и никогда — как любовница... Грезилась ему на губах ее улыбка, не страстная, глаза, не влажные от желаний... Он никогда не хотел видеть трепета в ней, слышать горячей мечты, внезапных слез, томления, изнеможения и потом бешеного перехода к радости... [Гончаров 1997–2017. 4: 202–204].

Есть, по Гончарову, еще более легковесные причины для несчастных браков. Ранняя влюбленность, не предполагающая серьезных вопросов о цели жизни и, соответственно, брака. По слову Гончарова, это случается «в ту нежную пору, когда человек... влюбляется почти во всякую женщину и всякой готов предложить руку и сердце, что иным даже и удастся совершить, часто к великому прискорбию потом на всю остальную жизнь» [Гончаров 1997–2017. 4: 58].

В «Обыкновенной истории» изображаются «браки по расчету», причем со стороны мужчин. Петр Адуев, в целом неплохой человек, но с недостатком сердца, строит свой брак на основании тонкой тирании, хорошо скрываемого непризнания личности в своей жене, той ее свободы, которая дана человеку Богом. Петр Иванович не является мелким тираном жены, он, по сути, пытается «перекупить» дарованную ей Богом личность. Но делает это не из откровенно злодейских побуждений, а по несчастной ошибке, по испорченности, которую он долгое время не замечает. Его коренная ошибка заключается в том же, в чем и ошибка Александра Адуева — в отказе от высоты идеалов, в попытке строить свою жизнь на основании лишь человеческого ума и человеческих расчетов, что неизбежно приводит к восприятию стереотипов мышления «века», духа времени. Как ни парадоксальны и ни умны с виду поучения дяди племяннику, в них лишь афористично выражен дух века, о котором сказал Е. А. Баратынский:

Век шествует путем своим железным,
В сердцах корысть, и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчетливей, бесстыдней занята [Баратынский: 113].

Видимо, на эти строки из стихотворения «Последний поэт» (1835) ориентировался Гончаров, когда в финале романа вложил в уста Александра Адуева слова: «...век такой. Я иду наравне с веком: нельзя же от-

ставать!» [Гончаров 1997–2017. 1: 467]. И дядюшка, и племянник идут по жизни «как все», «наравне с веком», т. е., по евангелию, «широкими воротами», которые ведут в ад: «...широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими» (Мф. 7: 13).

По расчету (но более примитивному) строит свой намечающийся брак и Александр Адуев. Свои идеалы он променял на «пятьсот душ и триста тысяч денег», приняв логику дяди: «Любовь любовью, а женитьба женитьбой; эти две вещи не всегда сходятся, а лучше, когда не сходятся» [Гончаров 1997–2017. 1: 464]. Его практическая логика еще более «отчетлива и бесстыдна» (по Баратынскому), чем у дяди. В обоих браках жертвой такой логики являются женщины.

Если в «Обыкновенной истории» Гончаров показал несчастные семейные отношения, то в «Обломове» он пытается выстраивать целую философию брака и семьи и приближается к созданию идеала семьи. В романе изображаются лучшие люди «века», те, кто не хочет жить по его законам, быть «как все» и идти «широкими воротами». Все они ищут или получают в дар от Бога свой собственный путь. Эти люди не достигают идеала, но сами несут в себе несомненное идеальное начало. В письме к И. И. Льховскому от 2 августа 1857 г. Гончаров заметил: «Меня иногда пугает, что у меня нет ни одного типа, а все идеалы: годится ли это? Между тем для выражения моей идеи мне типов не нужно, они бы вели меня в сторону от цели» [Литературный архив: 117]. И Обломов, и Штольц, и Ольга Ильинская глубоко задумываются о том, кого они должны выбрать в спутники жизни и каков их идеал семьи.

Для Обломова это идеал «органической жизни», гармонии с собой, с избранницей, с природой, когда целью жизни является сама жизнь в ее счастливых проявлениях. Т. е. это идеал гармонии и счастья, даже душевной сосредоточенности на своем счастье:

...обняв жену за талью, углубиться с ней в бесконечную, темную аллею; идти тихо, задумчиво, молча или думать вслух, мечтать, считать минуты счастья, как биение пульса; слушать, как сердце бьется и замирает; искать в природе сочувствия... [Гончаров 1997–2017. 4: 177].

Мир, который описывает в своем плане Обломов — это гармония двоих, замкнутый мир души и сердца, природы и искусства. Этот мир зиждется на духовной и душевной неизменности двух влюбленных:

труда над собой, дальнейшего духовного роста, требований к себе и к своему другу не предполагается. В этом мире нет общества, размышлений, тревог и проблем. Это блаженное, но полурастительное существование двух счастливых, застывших в духовной неподвижности людей. Замкнутая идиллия, имеющая своим началом античную пастораль и «Старосветских помещиков» Н. В. Гоголя. В основе этого замкнутого существования лежит полная, переливающаяся через край жизнь сердца. Вариантов такой жизни может быть тысяча, но Гончаров показывает очищенную квинтэссенцию «органической жизни» семьи, в которой сердце и стремление к покою и повторению («пульс», т. е. повторяющийся ритм) играют определяющую роль.

Обломов реализовал свой идеал, исключив из него, однако, важнейшую для Гончарова составляющую: интеллектуально-духовное и — в широком смысле — эстетическое «равенство» со своим партнером. Иное герою оказалось не по силам. В этом, несомненно, была и его вина, но не только. Рядом с мотивом безволия, духовного расслабления развивается и мотив смирения перед жизнью, перед ее непонятной до конца органической силой, обнажающей, но и примиряющей («срачивающей») духовные и нравственные разрывы и противоречия. Как сказано в романе, «жизнь все-таки не останавливалась» [Гончаров 1997–2017. 4: 374]. Это возвращает нас к вопросу о принципиальной эпичности Гончарова и напоминает о «холодном солнце» Григория Мелехова в финале «Тихого Дона», где главное — новые запущенные ростки жизни:

Он стоял у ворот родного дома, держал на руках сына... Это было все, что осталось у него в жизни, что пока еще роднило его с землей и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром [Шолохов: 607].

Точно так же, как неизбежный компромисс между идеалом и реальностью, ощущает затягивающий частные судьбы и идеальные устремления людей эпический поток жизни — Л. Н. Толстой. Погибает «бескомпромиссный идеалист» Андрей Болконский, продолжается жизнь и потомство ошибающихся, но прощающих и смиряющихся Пьера Безухова, Наташи Ростовской и др.

Обломов вынужден уступить часть своего идеала, признать в какой-то степени свое жизненное поражение:

И родился и воспитан он был не как гладиатор для арены, а как мирный зритель боя; не вынести бы его робкой и ленивой душе ни тревог счастья, ни ударов жизни — следовательно, он выразил собою один ее край [Гончаров 1997–2017. 4: 474].

Тем не менее, «один край жизни» он выразил и, уступив в чем-то, сохранил главное — чистое сердце, о котором с пафосом говорит Штольц:

Ни одной фальшивой ноты не издало его сердце, не пристало к нему грязи. Не обольстит его никакая нарядная ложь, и ничто не совлечет на фальшивый путь; пусть волнуется около него целый океан дряни, зла, пусть весь мир отравится ядом и пойдет навыворот — никогда Обломов не поклонится идолу лжи, в душе его всегда будет чисто, светло, честно... Это хрустальная, прозрачная душа; таких людей мало; они редки; это перлы в толпе! [Гончаров 1997–2017. 4: 467].

Здесь снова на ум приходит та характеристика, которую дал Гончаров Трегубову в очерке «На родине»:

Это был чистый самородок честности, чести, благородства и той прямоты души, которую славятся моряки, и притом с добрым, теплым сердцем [Гончаров 1952–1955. 7: 237].

Художественное оправдание компромиссного варианта судьбы, сохранения главного или даже «немногого» ради продолжения «общего потока жизни» свойственно писателям эпического склада [Мельник 2022: 302–322]. Как написал в финале своего романа М. А. Шолохов, «что ж... сбылось... немногое» из того, «о чем бессонными ночами мечтал Григорий» [Шолохов: 606]. В судьбе Обломова тоже сбылось не все, но он сохранил главное в себе: его жизнь была прожита не зря, она стала частью общего потока бытия. Ностальгически изображая драматическое искажение судьбы Обломова, автор все-таки утверждает несомненный приоритет эпичности общей жизни и ее продолжения «в роды родов». Хотя Обломов и Агафья Матвеевна создали не столько семью в строгом смысле слова, сколько

определенный «союз»¹, однако в нем рождается новая жизнь, новый Обломов — Андрей.

Для Гончарова вопрос интеллектуально-культурного статуса героя не является праздным. Это очень серьезно, особенно в свете его размышлений о XIX в. как переломной эпохе человечества: от «младенчества» к «взрослению», «возмужанию» [Мельник 2021]. Обломов принадлежит в основах своей личности к кругу образованных, культурных людей: к Штольцу, Ольге Ильинской и др. С его стороны, союз с Пшеницыной — это потакание своим слабостям, отказ от жизненной борьбы, это, несомненно, «опускание» личности от духа — к душе и телу. В романе есть фраза:

Он сближался с Агафьей Матвеевной — как будто подвигался к огню, от которого становится все теплее и теплее, но которого любить нельзя [Гончаров 1997–2017. 4: 383].

И далее пояснение:

Он охотно останавливал глаза на ее полной шее и округлых локтях, когда отворялась дверь к ней в комнату... шутил с ней, играл с детьми. Но ему не было скучно, если утро проходило и он не видал ее; после обеда, вместо того чтоб остаться с ней, он часто уходил соснуть часа на два... ни разу он не волновался тревогой о том, увидит ли он хозяйку или нет, что она подумает, что сказать ей, как отвечать на ее вопрос, как она взглянет, — ничего, ничего [Гончаров 1997–2017. 4: 383–384].

Агафья Матвеевна для Обломова — это возможность уйти от реальности в маленький, замкнутый мир, в утопию, где его жизнь

¹ Такой «союз» описывает Гончаров, говоря о своей матери и Трегубове: «Якубов стал совершенным семьянином у нас... свою привязанностью к нам, умными советами, заботливым руководством нашего воспитания и образования превосходил и родного отца. Мать наша... взяла на себя все заботы о его житье-бытье, о хозяйстве. Его дворня, повара, кучера слились с нашей дворней, под ее управлением — и мы жили одним общим домом. Вся материальная часть пала на долю матери, отличной, опытной, строгой хозяйки. Интеллектуальные заботы достались ему» [Гончаров 1952–1955. 7: 234].

устраивает не Беатриче, ведущая к высотам духа, а сказочная Милитрисса Кирбительевна [Гродецкая], волшебным образом организующая для героя замкнутую «капсулу жизни», сказочный мир среди суровой реальности, остановку времени среди движущейся противоречиями истории.

Обломов ушел из мира мыслящих личностей в мир добрых «младенцев духа». Взрослость и мужество, по Гончарову, связаны с высшими вопросами жизни, с общественной сферой. Обломов уходит из этой сферы в область душевного и телесного, где ему хватает сил сохранить равновесие своей личности, создать изолированную от мира «гармонию». При этом он вынужден откровенно отказаться от важнейшей составляющей христианской жизни — от «духа».

Совсем иное — со стороны Агафьи Матвеевны. Здесь неизвестная домохозяйка, ничего не ищущая, не проявляющая никакой инициативы, получает некий Божий дар: Обломова, личность которого вызывает ее безусловное восхищение и обожание. Обломов вольно или невольно «возвышает» Агафью Матвеевну до иного уровня культурной и психической жизни. Окружающие чувствуют это, но воспринимают по-житейски однобоко, лишь как изменение социального статуса. Родственники не могут простить произошедшую с ней и непонятную им психологическую перемену и язвительно шепчут: «Барыня, помещица!». Между тем, Гончаров подчеркивает в личности Пшеницыной два момента: первый заключается в том, что она как воплощение любовного начала жизни была сосредоточена только на Обломове, что вне его личности для нее не существовало ничего в мире:

Она так полно и много любила: любила Обломова — как любовника, как мужа и как барина; только рассказать никогда она этого, как прежде, не могла никому. Да никто и не понял бы ее вокруг. Где бы она нашла язык? В лексиконе брата, Тарантьева, невестки не было таких слов, потому что не было понятий: только Илья Ильич понял бы ее, но она ему никогда не высказывала, потому что не понимала тогда сама и не умела [Гончаров 1997–2017. 4: 488–489].

Умер Обломов — остановилась и жизнь, ибо сама Агафья Матвеевна не имела представления о духовном поиске. Она перенеслась в сферу воспоминаний, где обрела самосознание личности.

И это есть второй момент: Обломов не только заполнил собою ее жизнь, он дал ей духовное и личностное пробуждение. Если растет под влиянием Штольца Ольга, то личность Агафьи Матвеевны подана в свете не просто духовного роста, но принципиального пробуждения, духовного преобразования. В момент сближения с Обломовым она показана как существо растительное: во время первого поцелуя Обломова она стояла «прямо и неподвижно, как лошадь, на которую надевают хомут» [Гончаров 1997–2017. 4: 385]. Сравнение важное, совершенно контрастирующее с изображением духовного состояния героини в финале романа: «...просияла ее жизнь... Бог вложил в ее жизнь душу... засветилось в ней солнце... навсегда осмыслилась и жизнь ее: теперь уж она знала, зачем она жила и что жила не напрасно» [Гончаров 1997–2017. 4: 488]. Ни один из героев романа «Обломов» не удостоился таких высоких слов. Их заслужила лишь «духовный младенец» Агафья Пшеницына, заслуга которой состояла в том, что она любила Обломова и служила ему всем, чем могла. Гончаров здесь евангельски решает вопрос о смысле и ценности человеческой жизни, об исполнении второй заповеди в отношении хотя бы одного человека. Эта евангельская основа образа Пшеницыной приоткрывается в словах: «Она... много любила». Они отсылают к евангелию от Луки, где Христос говорит: «... прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много» (Лк. 7: 47).

Положение Обломова в отношении Агафьи Матвеевны двойственно: с одной стороны, в последнем разговоре со Штольцем он отрывается от Агафьи Матвеевны: «Любишь, что ли, хочешь ты сказать! Помилуй! — перебил Обломов с принужденным смехом» [Гончаров 1997–2017. 4: 443]. А с другой стороны, на слова Штольца: «Ты ли это, Илья?.. Как ты пал! Эта женщина... что она тебе...» Обломов отвечает: «Жена!... А этот ребенок — мой сын! Его зовут Андреем в память о тебе!» [Гончаров 1997–2017. 4: 483].

Обломов отвечает своему другу как рыцарь, но для внутреннего человека Обломова союз с Агафьей Матвеевной полноценной семьей не является. Для Агафьи же Матвеевны этот союз означает даже больше, чем семья: здесь происходит ее духовное рождение. Обломов — ее «душа», ее «солнце». Но есть и общее — это их сын Андрей, которого Гончаров пытается показать как будущую реализацию и оправдание жизни Обломова на земле. В этом смысле сам Обломов — герой с «отложенной» до поры реализацией своей личности. Маленький Ан-

дрей — это надежда Обломова на «победное возвращение», на оправдание перед Богом за напрасно прожитую жизнь. Как строгий реалист Гончаров не акцентирует эту мысль, воплощая ее лишь в изображении необычных отношений Агафьи Матвеевны к их с Обломовым общему сыну.

После кончины Ильи Ильича сын для Агафьи Матвеевны — главная ценность и итог ее жизни, напоминание об Обломове. Ее ощущения в отношении мальчика — безусловно, материнские. Но не совсем семейные: она видит себя скорее как распорядительница Андрея и не предъявляет к нему никаких своих, даже человеческих, прав: лишь раз в год, когда приезжал Штольц, она «жадно глядела на Андриюшу, с нежной робостью ласкала его» [Гончаров 1997–2017. 4: 489].

Напрасно давал ей Штольц отчет в управлении имением, присылал следующие ей доходы, все отдавала она назад, просила беречь для Андриюши.

— Это его, а не мое, — упрямо твердила она, — ему понадобится; он барин, а я проживу и так [Гончаров 1997–2017. 4: 489].

Агафья Матвеевна как бы не стала Обломовой, не стала «Ильинской» (Ильёвой). Она лишь служит обоим Обломовым и в этом служении видит свое счастье и смысл жизни.

Таким образом, в семейном союзе Обломова и Агафьи Пшеницыной проявилась драматическая гамма чувств и обстоятельств: духовные падения и подъемы, необычайное счастье и горечь «отложенной» жизни. Реализация жизни Обломова состоялась лишь частично — прежде всего, в рождении сына, в пробуждении личности Агафьи Матвеевны. Но главнейшим становится мотив надежды, мотив, согласно дантовской классификации, «чистилища». С одной стороны, эта надежда на личностную реализацию Андрея как представителя рода Обломовых, а с другой, в соответствии с представлениями церкви, — надежда на молитву церкви о душе Обломова, для которой не закрыт рай. Эту церковь, как собрание любящих его светлую личность людей, представляют Захар, который ходит молиться на его могилку, Пшеницына, которая также молится о нем постоянно, и Штольцы. Гончаров пишет: «Их всех связывала одна общая симпатия, одна память о чистой, как хрусталь, душе покойника» [Гончаров 1997–2017. 4: 489].

Самая серьезная попытка Гончарова изобразить идеал семейной жизни — это изображение брака Андрея Штольца и Ольги Ильинской. Не случайно в Ольге отразились многие черты Е. В. Толстой. Поскольку главное для Гончарова в семье — взаимопомощь в духовном росте, он много говорит о роли мужчины как наставника женщины:

Он задрожит от гордости и счастья, когда заметит... как отголосок переданной ей мысли звучит в речи, как мысль эта вошла в ее сознание и понимание, переработалась у ней в уме и выглядывает из ее слов не сухая и суровая, а с блеском женской грации и особенно если какая-нибудь плодотворная капля из всего говоренного, прочитанного, нарисованного опускалась, как жемчужина, на светлое дно ее жизни.

Как мыслитель и как художник, он ткал ей разумное существование, и никогда еще в жизни не бывал он поглощен так глубоко... как теперь, нынче с этой неумолкающей, вулканической работой духа своей подруги! [Гончаров 1997–2017. 4: 454].

Еще будучи невестой Обломова, Ольга понимала эту главенствующую роль мужчины в духовной жизни семьи. Своей задачей она ставила пробуждение Обломова, который впоследствии должен был стать ее духовным руководителем. Она готова была вести Обломова за собой только до определенной черты: «Вперед, вперед! — говорит Ольга, — выше, выше, туда, к той черте, где сила нежности и грации теряет свои права и где начинается царство мужчины!» [Гончаров 1997–2017. 4: 353]. Увы, Обломов не мог стать ее духовным вождем, которого она попыталась найти в лице Штольца.

И Штолец, и Ольга — люди утонченной и глубокой внутренней жизни, высоких требований к браку. Они оба показаны в постоянном духовном поиске. Их окружает атмосфера искусства, красоты, природы. Их отношения стремятся к гармонии. Однако и здесь не все идеально. Во-первых, духовный поиск героев в «крымской главе» не изображается, а скорее декларируется. Стороной упоминается о том, что у Штольцев есть дети. Ни одного из них мы не видим. Прекрасный бытописатель, Гончаров в «крымской главе» романа практически не дает описания семейной жизни Штольцев, собственно, того счастья, о котором говорит Ольга. Наконец, главным эпизодом этой главы становится разговор о неопределенной тоске Ольги, которая как бы вопрошает: и

это все? что же дальше? Ольга с тревогой ощущает «новую обломовщину». В письме к С. А. Никитенко от 20 июня 1860 г. Гончаров замечал:

...разве идеал, то есть олицетворение его, возможно? Да если б и возможно было — то не дай Бог!.. стремление сменяется стремлением, и человек идет дальше и, следовательно, живет; а можете ли вы представить себе человека вполне удовлетворенного, остановившегося? [Гончаров 1952–1955. 8: 334].

Ольга как раз и ощутила себя «вполне удовлетворенной, остановившейся». В ней просыпается тоска по дальнейшему движению, которое возможно уже в сфере чистой духовности («царство мужчины»), а не тех ценностей, которыми живет в общем очень хороший и гуманный Штольц. Она не получает от мужа ответов на свои вопросы, а он предлагает ей отказать от высоких запросов духа:

Мы не титаны с тобой, — продолжал он, обнимая ее, — мы не пойдем, с Манфредами и Фаустами, на дерзкую борьбу с мятежными вопросами, не примем их вызова, склоним головы и смиренно переживем трудную минуту, и опять потом улыбнется жизнь, счастье... [Гончаров 1997–2017. 4: 461].

Таким образом, и семью Штольцев, в которой уже обозначены основные контуры «идеальной семьи», нельзя отнести к воплощению гончаровского идеала. Причины, по которым Ольга и Штольц оказываются неспособными к дальнейшему духовному росту и вынуждены смириться и признать, что они «не титаны»» подробно рассмотрены нами в другой работе [Мельник 2020: 178–180]. Как и семья Обломова, семья Штольцев это тоже своего рода компромисс, побуждающий к смирению. Как художник Гончаров вообще не был склонен изображать абсолютный жизненно реализованный идеал, очевидно помня слова Христа: «Царство Мое не от мира сего» (Ин. 18: 36). Семья Штольцев — единственная попытка писателя приблизиться к изображению идеала, наметить основные контуры своей «философии семьи». Однако следует признать, что эта философия скорее проговаривается, нежели пластически изображается. При этом важно и другое: смысловым центром романа, его «солнцем» является Илья Обломов. И Ольга, и Штольц чрезвычайно близки Обломову, изображение их семейной

жизни подается в свете отношений героев с Обломовым. Учитывая многие характерные детали, рассыпанные в романе, можно заключить, что хотя Гончаров не педалирует тему, но и Ольга, фамилия которой не случайно Ильинская, и Штольц как бы осыпаны «легкой пылью» дружеского предательства «золотого сердца» Обломова.

Таким образом, Гончаров, будучи «неизлечимым романтиком» и обладая «ничем не сокрушимым» стремлением к идеалу, в том числе и семьи, в своей трилогии показывает практическую невозможность достижения абсолютного «семейного счастья» и, напротив, неизбежность компромиссов с эпосом жизни, компромиссов порою драматических. В этом смысле можно сказать, что душа его раздваивалась. Понимая «компромисс» как основу «эпоса жизни» (продолжения рода, человеческих отношений, даже затронутых в какой-то степени предательством и пр.), сам он не ушел от подобных компромиссов, но ценой драматического внутреннего конфликта всегда пытался остаться «романтиком», «идеалистом», смирялся и прощал окружающим многое, кроме откровенного примирения с жизнью не на основе веры в «следующий волюм» бытия, а на основе размена идеала на откровенную пошлость — «пошленькие блага» [Гончаров 1952–1955. 8: 333].

Список литературы

Источники

- Баратынский Е. А.* Лирика / сост. и предисл. К. Пигарева. М.: Худож. лит., 1964. 160 с.
- Гончаров И. А.* Полн. собр. соч.: в 20 т. СПб.: Наука, 1997–2017. Т. 1–15.
- Гончаров И. А.* Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1952–1955.
- Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. Т. 102: И. А. Гончаров: новые материалы и исследования / отв. ред.: С. А. Макашин, Т. Г. Динесман. 735 с.
- Литературный архив.* Л.: АН СССР, 1951. Т. 3. 284 с.
- Шолохов М. А.* Тихий Дон: роман: в 4 кн. Киев: Радянська школа, 1987. 608 с.

Исследования

- Мельник В. И.* Поэтика эпического образа у И. А. Гончарова // Феномен эпического романа в русской литературе второй половины XIX века: И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский / под науч. ред. В. Г. Андреевой. Кострома: Костромской гос. ун-т, 2022. С. 302–322.
- Гродецкая А. Г.* Милитриса Кирбитьевна в «Обломове» или об органично противоречивом в поэтике Гончарова // Русская литература. 2012. № 2. С. 34–39.

Демиховская О. А. Творческая история романа И. А. Гончарова «Обломов» // Гончаров И. А.: Материалы юбилейной гончаровской конференции 1987 года. Ульяновск: Симбирская книга, 1992. С. 135–142.

Комар Н. Г. Проблема семьи в романе И. А. Гончарова «Обломов» в контексте традиции древнерусской литературы (Обломов и Ольга) // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. Языковедение и литературоведение. 2012. Т. 154. Кн. 5. С. 195–204.

Кондрашова Т. М. Изображение друга дома и типологии семьи в романе И. А. Гончарова «Обыкновенная история» // Материалы IV Международной научной гончаровской конференции. Ульяновск: Ника-дизайн, 2008. С. 5–13.

Краснова Е. В. «Материнская сфера» в романах И. А. Гончарова // Материалы Международной научной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2003. С. 186–194.

Краснощечкова Е. А. «Семейное счастье» в контексте русского «романа воспитания» // Русская литература. 1996. № 2. С. 47–65.

Мельник В. И. Гончаров. М.: Вече, 2012. 430 с.

Мельник В. И. И. А. Гончаров и философия науки его времени (проблема науки и религии) // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 1. С. 134–159. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-1-134-159>

Пиксанов Н. К. Гончаров // История русской литературы. Т. VIII. Ч. II. М.; Л.: АН СССР, 1956. С. 400–461.

Постнов О. Г. Эстетика И. А. Гончарова. Новосибирск: Наука, 1997. 240 с.

Пруцков Н. И. Мастерство Гончарова-романиста. М.; Л.: АН СССР, 1962. 230 с.

Рыбасов А. П. Гончаров. М.: Молодая гвардия, 1957. 374 с.

Сакулин П. Н. Новая глава из биографии И. А. Гончарова в неизданных письмах // Голос минувшего. 1913. № 11. С. 45–65.

Токарев Г. В. Взгляды Л. Н. Толстого на брак // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25, № 2. С. 145–147. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2019-25-2-145-147>

Цейтлин А. Г. И. А. Гончаров. М.: АН СССР, 1950. 488 с.

References

Meĭ'nik, V. I. "Poetika epicheskogo obraza u I. A. Goncharova" ["I. A. Goncharov's Poetics of the Epic Image"]. Andreeva, V. G., editor. *Fenomen epicheskogo romana v russkoi literature vtoroi poloviny XIX veka: I. A. Goncharov, I. S. Turgenev, L. N. Tolstoi, F. M. Dostoevskii* [*The Phenomenon of the Epic Novel in Russian Literature of the Second Half of the 19th Century: I. A. Goncharov, I. S. Turgenev, L. N. Tolstoy, F. M. Dostoevsky*]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2022, pp. 302–322. (In Russ.)

Grodetskaia, A. G. "Militrisa Kirbit'evna v 'Oblomove' ili ob organichno protivorechivom v poetike Goncharova" ["Militrisa Kirbitevna in 'Oblomov,' or About the Organically Contradictory in Goncharov's Poetics"]. *Russkaia literatura*, no. 2, 2012, pp. 34–39. (In Russ.)

Demikhovskaia, O. A. "Tvorcheskaia istoriia romana I. A. Goncharova 'Oblomov.'" ["Creative History of I. A. Goncharov's Novel 'Oblomov.'"] *Goncharov I. A.: Materialy iubileinoi goncharovskoi konferentsii 1987 goda* [*Goncharov I. A.: Materials of the 1987 Anniversary Goncharov Conference*]. Ulyanovsk, Simbirskaiia kniga Publ., 1992, pp. 135–142. (In Russ.)

Komar, N. G. "Problema sem'i v romane I. A. Goncharova 'Oblomov' v kontekste traditsii drevnerusskoi literatury (Oblomov i Ol'ga)" ["The Family Problem in I. A. Goncharov's Novel 'Oblomov' in the Context of the Tradition of Ancient Russian Literature (Oblomov and Olga)"]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriiia Gumanitarnye nauki. Iazykoznanie i literaturovedenie*, vol. 154, book 5, 2012, pp. 195–204. (In Russ.)

Kondrashova, T. M. "Izobrazhenie druga doma i tipologii sem'i v romane I. A. Goncharova 'Obyknovennaia istoriia.'" ["Depiction of a Friend at Home and Family Typology in I. A. Goncharov's Novel 'The Same Old Story.'"] *Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi goncharovskoi konferentsii* [*Materials of the IV International Scientific Goncharov Conference*]. Ulyanovsk, Nika-dizain Publ., 2008, pp. 5–13. (In Russ.)

Krasnova, E. V. "'Materinskaia sfera' v romanakh I. A. Goncharova" ["'The Maternal Sphere' in the Novels of I. A. Goncharov"]. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 190-letiiu so dnia rozhdeniia I. A. Goncharova* [*Materials of the International Scientific Conference Dedicated to the 190th Anniversary of I. A. Goncharov's Birth*]. Ulyanovsk, Korporatsiia tekhnologii prodvizheniia Publ., 2003, pp. 186–194. (In Russ.)

Krasnoshchekova, E. A. "'Semeinoe schast'e' v kontekste russkogo 'romana vospitaniia.'" ["'Family Happiness' in the Context of the Russian 'Bildungsroman.'"] *Russkaia literatura*, no. 2, 1996, pp. 47–65. (In Russ.)

Meĭ'nik, V. I. *Goncharov* [Goncharov]. Moscow, Veche Publ., 2012. 430 p. (In Russ.)

Meĭ'nik, V. I. "I. A. Goncharov i filosofia nauki ego vremeni (problema nauki i religii)" ["I. A. Goncharov and the Philosophy of Science of His Time (Issue of Science and Religion)"]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 3, no. 1, 2021, pp. 134–159. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-1-134-159> (In Russ.)

Piksanov, N. K. "Goncharov" ["Goncharov"]. *Istoriia russkoi literatury* [*History of Russian Literature*], vol. 8, part 2. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1956, pp. 400–461. (In Russ.)

Postnov, O. G. *Estetika I. A. Goncharova* [*I. A. Goncharov's Aesthetics*]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1997. 240 p. (In Russ.)

Prutskov, N. I. *Masterstvo Goncharova-romanista* [*The Skill of Goncharov the Novelist*]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1962. 230 p. (In Russ.)

Rybasov, A. P. *Goncharov* [*Goncharov*]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1957. 374 p. (In Russ.)

Sakulin, P. N. “Novaia glava iz biografii I. A. Goncharova v neizdannyykh pis'makh” [“A New Chapter from I. A. Goncharov's Biography from Unpublished Letters”]. *Golos minuvshogo*, no. 11, 1913, pp. 45–65. (In Russ.)

Tokarev, G. V. “Vzgliady L. N. Tolstogo na brak” [“Leo Tolstoy's Views on Marriage”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 25, no. 2, 2019, pp. 145–147. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2019-25-2-145-147> (In Russ.)

Tseitlin, A. G. *I. A. Goncharov* [*I. A. Goncharov*]. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1950. 488 p. (In Russ.)